

Пикуль В.С. Слово и дело. Кн. 1. М.: АСТ, Вече, 2008. – 654 с.

Пикуль В.С. Слово и дело. Кн. 2. М.: АСТ, Вече, 2008. – 702 с.

Т. II. С. 685-686

Личность Волынского была ярким выражением времени, в котором он жил. Его казнь - это тоже выражение времени, жестокого и грубейшего. Волынский в канун ареста свой "Генеральный проект" уничтожил, инквизиции достались лишь черновики, обрывки его замыслов. Если историки хорошо разобрались в запросах дворянства 1730 года, то они порою встают в тупик перед планами Волынского. Нет бумаги, подтверждающей его мнения... Но, как блуждающие колдовские огни над сумеречными болотами, еще долго бродили над Россией призрачные идеи Волынского. Когда в 1754 году Петр Шувалов подавал проект реформ в России, в его проекте неожиданно воскресли мысли Волынского. И, наконец, некоторые замыслы Волынского заново вспыхнули под перьями дворянских публицистов века Екатерины II, в речах депутатов при составлении известного "Наказа".

Волынский никогда не был противником самодержавия. Волынский никогда не был сторонником умаления монаршей власти. Авторы кондиций 1730 года в этом смысле политически стояли гораздо выше его! Волынский - только патриот-реформатор; он страдал за Россию, желая блага и просвещения народу своему, но почвы под ногами не имел. Реформы его никогда осуществлены не были и остались на бумаге, а сама бумага привела его на эшафот. Начиная борьбу за честь попранного русского имени, Волынский желал опираться лишь на свое положение министра и борьбы не начал, пока не достиг высшей власти. У него не было никаких связей с народом, не было связей даже со шляхетством. Он не был близок и с гвардией! Елизавета оказалась в более выгодном положении - ее несли через сугробы храбрые гренадеры, ее поддерживали версальские интриги и деньги. А кто шел за Волынским?.. Лишь группа конфиденентов, людей умных и толковых, но раздавить эту "партию" первоначальной русской интеллигенции самодержавию было легко. Никто даже не пикнул в их защиту, ибо в народе их вовсе не знали... В этом глубокая трагедия Волынского - и личная, и общественная!

Елизавета Петровна сразу же сняла клеймо преступности с Волынского и конфиденентов, она обелила их потомство, но далее этого не пошла. Поминать прежние злодеяния монархов тогда не было принято, и о Волынском вообще помалкивали.

Это нарочитое замалчивание крупного политического процесса продолжалось вплоть до воцарения на престоле Екатерины II, и вот здесь начинается очень любопытный момент в истории русского самодержавия.

Т. II. С. 224.

Пройдет много лет, и многое на Руси переменится. Васенька станет Василием

Михайловичем, в 1771 году он повторит набег на Крым и повершит дела Миниховы. Долгорукий не только Бахчисарай спалит, но проведет богатырей русских до берегов Тавриды южной, узрит Кафу, огнем и мечом утверждая славу воинства российского.

От отечества он получит почетный титул - Крымский! С этим титулом он и войдет в историю государства... А вот грамоты так и не познает. Во всю жизнь, занимая посты высокие, останется Долгорукий безграмотен, и всегда будет он обвинять... перья.

Т. II. С. 629.

Но все-таки нельзя не отметить боевой

[...] стойкого патриотизма Елизаветы, дальновидности разума Екатерины II, даже в сумбурной натуре Павла I легко отыскать черты благородных порывов...

Т. II. С. 677.

Существует предположение, что сама Екатерина II, боясь соперника, подговорила Мировича на "нелепу", дабы раз и навсегда избавиться от Иоанна. Мирович на эшафоте с улыбкою прослушал смертный приговор, до последнего момента не веря в его исполнение. Екатерина II была обольстительно коварна: она могла обещать жизнь, чтобы в последний миг топор палача пресек жизнь опасного свидетеля.